

V. Русская культура на переломе (Интервью Марины Рахмановой и Ирины Зиминой. Ред. Леонида Люкса и Алексея Рыбакова) – (Часть вторая)¹

Виктор Калинин, живописец, действительный член Российской Академии художеств

1. С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?

Естественно, с той, которую я всосал с молоком матери, со старообрядческой культурой. Материальные следы этой культуры были налицо: в доме у нас висели иконы старого письма, даже 17-го века. Вольно или невольно это проникало в сознание. На дому у нас часто молились люди за неимением церкви, которая была разрушена в 30-х годах. Фон моего детства был очень значительный и повлиял на все то, с чем мне пришлось потом соприкоснуться.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

Это очевидно: каноническое церковное искусство 15-го – 16-го веков. Я часто, с юности бываю в Ферапонтовом монастыре, где иконы и стенопись Дионисия. Это абсолютная вершина, совершенный по гармонии ансамбль, и он – самое сильное мое художественное впечатление.

3. Как сказалось на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Отчасти разрушительно, отчасти созидательно. Для людей, которые большую часть своей жизни прожили в рамках советской культуры, начался – и продолжается – очень мучительный процесс. Одна из причин – полная выключенность государства из сферы так называемых забот о деятелях искусства. То внимание, которое уделялось в советский период искусству и вообще идеологии, заставляло художников вольно или невольно чувствовать себя находящимися в эпицентре жизни. Сейчас же большинство из них ощущают себя маргиналами и кроме нос-

---

¹ Эти интервью были впервые опубликованы в сборнике: *Russische Kultur im Umbruch: 30 aktuelle Positionen* (Русская культура на переломе: 30 точек зрения). Interviews von Marina Rachmanova und Irina Zimina. Ed. Leonid Luks und Alexei Rybakov (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen, Vol. 42), Böhlau Verlag Köln 2004. См. также Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры № 2, 2011, с.219.

тальгии ничего не испытывают. Но есть люди, у которых и раньше было не-советское сознание – я себя тоже к таковым отношу в силу семейного воспитания, – у этих людей сознание всегда охватывало более глубокие пласты русской культуры. Для этих людей момент, когда перемены из ожидаемых превратились в реальные, хотя, может быть, и противоположные ожидаемым, плодотворен. Художник остался наедине с собой и получил возможность посмотреть на себя не как на кирпичик идеологической системы, а как на личность. Теперь все зависит от почвы, в которой ты укоренен: если в ней мало духовного гумуса, человек утрачивает себя.

- Получается, что кто с чем был, тот с тем и пришел в новое время.

Я вообще не верю в резкие перемены, потому что художнику, если он взрослый, сформировавшийся человек, смешно, задрав штаны, бежать если не за комсомолом...

- то за концептуализмом...

... который и является одной из форм комсомольского призыва. Резкие смены мировоззрения и пластики, априорное отрицание станковой живописи, очередной сброс ее с корабля современности – это так...

- А разве нет кризиса в сфере станковой живописи? Не у вас лично, а вообще?

Я согласен с тем, что кризис по пятам ходит или даже обгоняет нас – зрители утрачивают вкус к картине как таковой. Но это личностное ощущение, а тотального поражения станковой живописи нет. Проблема цвета для меня является проблемой не просто профессиональной, а проблемой духовной, и в другой форме, нежели в картине, ее трудно даже поставить. Тебе отпущена мера гармонии, которую ты не можешь вытравить из себя, и другие не в силах этого сделать, – это все равно что лишить человека музыкального слуха. Эта мера в твоей природе, тебе дано пространство гармонии, которое ты своими малыми силами стараешься выразить. Но пространство огромно, и ты в него погружаешься без остатка. Если говорить о концептуализме, он вообще лишен этого качества, там, повторяю, такую задачу нельзя даже поставить.

- А имеет концептуализм свои преимущества?

Естественно, раз он возник, осуществляется и кому-то интересен. Плохо то, что его в очередной раз насаждают как картошку. И у адептов этого направления искусственно создается ритуал посвящения в концептуалисты и ни во что другое. Концептуализм – одна из форм существования искусства, и не более того. Она собою не может заменить других форм.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом нового лидера?

Лично у меня ничего не изменилось. Но вообще некий призыв к стабильности, к консервации каких-то устойчивых традиций, к фиксации чего-то положительного – очевиден. Правда, тут нужна оговорка: хочется надеяться, хочется верить, иначе невозможно существовать, и в особенности художнику, который всегда живет в некоторой надежде.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры и нужна ли она?

Человек тоже своего рода государство. И дело в том, насколько та или иная персона ощущает себя государственным человеком. Допустим, система меценатства отождествляет себя с какими-то личностями, но и за ними стоит государственный интерес. Насколько меценат, если можно так сказать, государствен, а не просто исполняет свою прихоть, настолько он помогает выжить и образоваться какому-либо слою культуры.

- А есть ли у нас по отношению к живописи культурное и сознательное меценатство?

Нет, не думаю. У нас дикий рынок, и одна из самых его диких сторон – именно те люди, которые должны олицетворять государство. Я имею в виду музейную политику, отпуск средств на искусство – это все сконцентрировано в руках одной группы, которая тотально захватила все телеканалы, все газетные полосы. Естественно, что художник выживает помимо этого.

- Вы имеете в виду интересы монополий?

Да, сейчас они – та же партийная система, только в перевернутом виде, с иным знаком. А важно, чтобы государство реально помогало художникам. Я имею опыт общения со скандинавскими странами, больше всего с Норвегией, где художники существуют на очень льготных условиях, вплоть до того, что получают пожизненную стипендию.

- Норвегия – богатая и маленькая страна...

Но и у нас раньше была такая система. Существовали дома художников, продажа материалов со скидкой... А теперь, если ты художник, то, значит, и бизнесмен, мастерская твой офис, и ты должен ее содержать за такую же арендную плату, что и какой-либо нефтепромышленник.

- А вы не боитесь, что, если государство придет на помощь художникам, оно начнет вмешиваться в содержательную сторону их деятельности?

В той мере, в какой сейчас в нее вмешивается экономика, государство, я думаю, никогда не вмешивалось и не сможет вмешаться. Для меня очевидно, что все наши теперешние арт-салоны, арт-ярмарки насквозь коммерциализировали сознание художников. Западные – тоже, но там система поощрения складывалась веками, там все отлажено, и для художника возможны разные формы существования – в зависимости от его дара, от его, так сказать, идейной платформы. А у нас никакого выбора – только свалка. Идешь по какой-нибудь арт-ярмарке, видишь работы очень достойных художников, выставленные рядом с чудовищной безвкусицей, и поражаешься, как тотальный настрой захлестывает и хорошие работы. У них оказывается недостаточно сил, чтобы перебить общее восприятие. Это как в толпе, которая тебя несет, и ты не в силах вычленишь из общего крика свой собственный голос.

б. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Это очень хороший вопрос. Степень аристократизма народной культуры меня просто потрясает. Нет ничего более аристократичного, чем старинная русская икона, знаменное пение, крестьянская вышивка, – рядом с этим ничего не поставишь. Многие художники клянутся в своей связи с народом, с его жизнью, но поскольку именно эту, аристократическую, часть народного сознания они не вбирают в себя, у них получается этнос с не очень хорошим запахом.

- То есть лапти вместо иконы, в то время как лапти должны быть на своем месте, а икона в красном углу...

Прорывы народного сознания в невероятные духовные глубины зафиксированы в его искусстве. А просто писать этюды с деревенских стариков, с коров и изб – не значит быть народным. Для меня то, как сделан наличник на окне или конек на крыше, – значит больше, чем грязь в стоящем рядом свинарнике.

- А как вам кажется, остались еще эти элементы аристократической культуры – вы же явно говорите о Русском Севере или Сибири – в современном народном сознании?

Они встречаются сейчас очень редко. Вопрос выживания отнимает силы, которые как раз и тратились раньше на искусство.

7. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Это прямо по Грибоедову: «служить бы рад, прислуживаться тошно». Без ориентации на нечто высшее художнику бессмысленно работать, остается одно ремесло. А служение – то, для чего человек призван, – об этом трудно говорить. Но в тайниках души все время живет мысль, что ты не совсем растоптан, что есть стержень, за который ты сам держишься и который тебя держит, что не он тебе принадлежит, а ты ему принадлежишь, и он диктует тебе способ поведения в этой жизни. Это не заслуга, это призванность – на силу, с которой ты призван, ты и должен отреагировать. Один это делает со страхом, другой с благоговением, третий со страстью.

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового культурного пространства?

Не знаю, как насчет материальной стороны, но относительно духовной стороны процесса я бы употребил слово «интервенция». Смысл этого слова подразумевает агрессию. Когда снимаются препоны для проникновения достойных явлений – идей, художественных произведений, – это можно только приветствовать. Но когда массовая культура замещает все свободное пространство, это воспринимаешь с негодованием. Тут еще вопрос, насколько охотно человек принимает все эти откуда-то проникающие явления. Мне кажется, когда-нибудь люди отреагируют на это несварением желудка, но когда – трудно себе представить.

- Насколько я знаю, вы достаточно часто бываете в других странах. Там тоже ведь существует такое явление, как единство мировой массовой культуры...

Как некий общий фон – конечно. Но снова вспомню Норвегию, которую я знаю лучше. Чем больше проникают туда цивилизационные веяния, тем острее реакция на постижение своего национального наследия – вплоть до очевидных мелочей, которые вдруг обретают ценность. Все сохраняется в многочисленных этнографических музеях, осмысливается, укладывается в сознание народа.

- Но Норвегия, опять-таки, хоть и с древними культурными традициями, но маленькая страна, а у нас так всего много...

Было много. Раньше возникали отдельные попытки сохранения каких-то очагов, но чтобы это вошло в сознание каждого человека – нет. У меня, правда, такое ощущение: кинь клич нормальным человеческим голосом, хорошим русским языком, да не один раз, а настойчиво, вот как по телевидению демонстрируют рекламу, – и люди соберутся. Наше телевидение и газеты занимаются тем, что демонизируют обыденность. Если бы они внятным человеческим языком столь же

настойчиво объясняли людям ситуацию, люди бы очнулись. Ведь невозможно жить в таком мороке, и каждый это ощущает. Всякие проходимцы осуществляют здесь свои проекты, и это приветствуется. Для меня это загадка.

9. Сложилась ли в России новые взаимоотношения церкви и государства и как это сказывается на русской культуре?

Я не думал об этом специально. Но есть вещи очевидные. Когда я иду в свою мастерскую, то прохожу мимо церкви, которая раньше была в чудовищном состоянии. Вся гадость округа концентрировалась вокруг этого здания. На моих глазах храм сейчас обретает чистые формы, расчищается пространство вокруг него. Если эту сторону брать – явно изменения в лучшую сторону. А насколько внешнее строительство выстраивает человеческую душу – пока непонятно. Кардинальных изменений внутри меня в этом смысле не происходит, а о других трудно судить. Это сокровенное, таинственное дело.

А потом: чем больше становится чистых мест, тем одновременно больше становится грязных. Все время происходит какая-то компенсация. Попросту говоря, открывается церковь, и тут же открывается кабак, даже два кабака на одну церковь. Ужасно будет, если кабак и церковь сольются – в страшном сне не представишь. Но если вспомнить Достоевского... Чем больше расчищаешь, тем больше к расчищенному месту тянется темных сил. Эта пропорция существует во все времена. Только формы меняются, меняется и количество людей, погруженных в ту или иную форму сознания, и в зависимости от того, насколько результативны действия темных и светлых сил, складывается образ эпохи.

- А существует новая церковная живопись – не религиозная, ее я вижу вокруг себя на стенах вашей мастерской, – а именно церковная? Или только повторение старого?

Сейчас все клянутся 16-м веком, и всем вроде стало очевидно падение натурализма. Но все же соблюдения одних форм недостаточно. Канон как таковой определяет степень свободы художника. Чем жестче канон, тем художник свободней. Иконописец – самый свободный художник. Я имею в виду именно свободу, не вседозволенность. Всегда есть некий круг, за который, не потеряв человеческого обличия, выйти невозможно. Я грешным делом новой иконописи не вижу, а в той, что вижу, не ощущаю новизны.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи, совпавшее с концом века и тысячелетия, завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

Постсоветская эпоха завершится вместе с теми, кто в ней жил. Ее нельзя снять, как одежду. Это – как сустав от пальца отчленить. А что касается рубежей... Человек вообще остро реагирует на цифры, но такой острой реакции, какая была, например, у русских символистов на начало 20-го века, у нас нет. У них были сильные эсхатологические ожидания, были они и раньше, у людей других эпох. А у нас – нет, нет и художественных результатов, которые вобрали бы в себя структурное изменение, превращение 20-го столетия в 21-е. Время расплющилось, и какими-то участками прошлое существует и будет еще долго существовать в настоящем.